

## ХРОНИКА

### XII МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ВИЗАНТИНИСТОВ В ОХРИДЕ

Очередной XII Международный конгресс византинистов происходил с 10 по 16 сентября 1961 г. в небольшом македонском городе Охриде, расположенном на берегу живописного Охридского озера. Тесные исторические связи Македонии с Византией, наличие в Охриде первоклассных памятников средневекового славянского и византийского искусства обусловили выбор этого города как места созыва международного форума византинистов.

Значительные успехи в области византиноведческих исследований в различных странах мира и расширение международных научных связей способствовали тому, что конгресс в Охриде привлек внимание научной общественности и собрал 400 делегатов из 38 стран, а также свыше 100 ученых-историков, лингвистов и искусствоведов Югославии. Деятельность конгресса широко освещалась как в центральной югославской, так и в местной македонской прессе; материалы о нем передавались по радио и телевидению.

В работе конгресса приняли участие крупнейшие византинисты, представляющие все наиболее значительные византиноведческие центры мира и различные научные направления. Многочисленной была делегация Франции, возглавляемая известным специалистом по социально-экономической и политической истории Византии Полем Лемерлем. В ее состав входили талантливые ученые, работающие в византиноведческом исследовательском центре в Париже: прекрасный знаток источников Н. Зворонос, Э. Гликаци-Арвейз, Е. Антониадис-Бибику, перу которых принадлежат интересные работы по политической и административной истории Византии, видный искусствовед А. Грабар, филолог А. Мирамбель, известный специалист по греческой палеографии М. Ришар и другие.

Весьма многочисленную греческую делегацию возглавлял известный специалист по византийскому искусству А. Орландос. К сожалению, подавляющее большинство греческих ученых на конгрессе выступило с докладами, написанными в «провизантийском» духе.

В состав делегации Англии входили многие видные ученые: Е. Веллес, Дж. Хасей, Д. Талбот-Райс, Р. Браунинг, Д. Оболенский и др.

Весьма пестрым был национальный состав многочисленной делегации США. Подавляющее большинство американских ученых-византинистов является эмигрантами — русскими, украинцами, греками, армянами. Среди них были такие исследователи, как знаток греческих источников и собиратель рукописей Игорь Шевченко, специалист по аграрной истории Византии грек Питер Харанис, историк византийского искусства С. дер Нерсисян и др. На конгрессе выступил также специалист по истории древнерусской, славянской и византийской литературы Роман Якобсон (Гарвардский университет).

Делегацию Бельгии возглавлял старейший византинист, редактор журнала «Vuzantion» Анри Грегуар.

Наиболее реакционную позицию на конгрессе занимала делегация Западной Германии, возглавляемая крупным византинистом Францем Дэльгером (Мюнхен); в ее состав входило много представителей католического духовенства. Среди ученых Италии также было немало представителей конфессионально-католического направления (А. Пертузи, А. Амман, Р. Губер, П. Лепкович, П. Стефану и др.). Более прогрессивные научные силы Италии представляли Б. Лаваньини и другие ученые. К сожалению, на конгресс не приехал видный итальянский ученый прогрессивного лагеря Роберто Чесси.

Немногочисленными были делегации Турции (А. М. Мансэль, Т. Инальчик и др.), Испании (С. Сирак-Эстопанан), примыкавшие к правому крылу ученых. Среди историков-византинистов. Австрии явно намечалось два направления: реакционное, под-

держивающее западногерманских ученых (Г. Ф. Шмидт), и либеральное (Г. Герстингер и др.).

Делегации прислали также Бразилия, Дания, ОАР, Ирландия, Канада, Кипр, Ливан, Нидерланды, Швейцария, Швеция, Япония.

Страны социалистического лагеря на XII Международном конгрессе византистов были представлены значительно шире, чем на всех предшествующих конгрессах.

Делегация Болгарии состояла из 20 человек; в ее состав входили крупные специалисты — византиноведы и слависты: профессора Д. Ангелов, А. Бурмов, К. Миятев, И. Снегаров и др. Чехословакию на конгрессе представляли известный славист академик Б. Гавранек, профессор А. Достал и Б. Застерова. Из Польши приехали Г. Эwert-Капцесова и О. Юревич. Большая делегация прибыла в Охрид из Германской Демократической Республики (И. Ирмшер, Л. Штерн и др.). От Румынии выступали академик Э. Кондураки и С. Стефанеску. К сожалению, по болезни не приехал на конгресс известный венгерский византист академик Дьюла Моравчик.

Естественно, что самой многочисленной была делегация организаторов конгресса — ученых Югославии (академик Г. Острогорский, профессор Джурдже Бошковиц, В. Мошин, С. Радойич, Ф. Баришич, Я. Ферлуга, Б. Радойич, И. Николаевич-Стойкович, Д. Копо, М. Петрушевский и многие другие). В Охрид прибыли ученые из Белграда, Дубровника, Любляны, Скопле, Нового Сада, Сараево, Сплита, Загреба, Задара и других городов Югославии.

Рабочими языками конгресса являлись: немецкий, английский, французский, греческий, итальянский и русский.

Работа конгресса состояла из докладов на пленарных заседаниях, по которым проводилась широкая дискуссия, и многочисленных докладов на заседаниях шести секций: 1) истории, 2) искусства и археологии, 3) филологии и истории литературы, 4) истории церкви и теологии, 5) права и вспомогательных дисциплин, 6) истории византийской музыки.

## I. ПЛЕНАРНЫЕ ЗАСЕДАНИЯ КОНГРЕССА

В отличие от предшествующих конгрессов, в Охриде советской делегации была предоставлена возможность выступить с большим коллективным докладом: «Город и деревня в Византии в IV—XII вв. (авторы доклада — член-корр. АН СССР Н. В. Пигулевская, доктора исторических наук Е. Э. Липшиц, М. Я. Сюзюмов, А. П. Каждан; редактор — доктор исторических наук З. В. Удальцова). Доклад был заранее опубликован в Югославии и разослан всем участникам конгресса. Он был прочитан утром 11 сентября. Председательствовал на этом заседании глава делегации ученых ФРГ профессор Ф. Дальгер.

Во вступительном слове к докладу З. В. Удальцова изложила основные выводы советских ученых, особо подчеркнув значение постановки проблемы взаимоотношений города и деревни в Византии. Научные исследования как в области точных, так и гуманитарных наук всегда предусматривают сочетание частных размышлений с синтезом и широкой постановкой общих проблем, причем, естественно, первое предшествует второму. Подобно тому, как биолог сперва изучает под микроскопом отдельные клетки для познания различных процессов, происходящих в организме, так и историк первоначально рассматривает частные проблемы. Но наступает период, когда все сильнее и сильнее начинает ощущаться необходимость в рассмотрении всех процессов в их взаимной связи и опосредствовании.

Длительное время аграрная история Византии и история византийских городов рассматривались параллельно — конечно, не вполне изолированно, но без достаточной связи. На определенном этапе развития науки это было неизбежно. Однако значительный прогресс, достигнутый в исследованиях последних лет не только в области аграрной истории Византии, обогащенной трудами и западных историков (Г. Острогорский, Ф. Дальгер, П. Лемерль, П. Харанис), и историков-марксистов (Д. Ангелов, М. В. Левченко, М. Я. Сюзюмов, Н. В. Пигулевская, Е. Э. Липшиц, А. П. Каждан, З. В. Удальцова, Г. Г. Литаврин, К. А. Осипова и др.), но и в сфере изучения истории города (труды Г. Острогорского, Э. Кирстена, Р. С. Лопеса, историков-марксистов А. М. Дьяконова, М. Я. Сюзюмова, Е. Э. Липшиц, А. П. Каждана, А. Я. Якобсона, Г. Л. Курбатова, Р. А. Наследовой и др.), дает возможность сейчас перейти к новой стадии византиноведческих штудий — к синтезу истории города и деревни в Византии. Ныне история деревни и города может рассматриваться в качестве звеньев единого процесса развития феодального общества в Византии. Тем самым история византийских городов становится важнейшим компонентом всего социально-экономического развития феодальной Византии. В этом прежде всего состоит новизна постановки проблемы в докладе советских ученых, определяющая и ее научное значение. Естественно, однако, что рождение

нового аспекта проблемы города и деревни в Византии связано с большими трудностями, многое еще требует дальнейшей углубленной разработки.

Отличительной чертой доклада явилось также то, что история города и деревни, история их связей и взаимных влияний на протяжении IV—XII вв. исследуется советскими учеными в постоянном развитии, в динамике. Само собой разумеется, такое изучение проблемы потребовало от исследователей разрешения вопросов периодизации истории города и деревни, рассматриваемых как единый социально-экономический комплекс. В этом причина того, что вопросы периодизации занимают в докладе значительное место.

Наряду с раскрытием социально-экономического аспекта взаимоотношений города и деревни особое внимание советских ученых привлекает также социальная борьба народных масс, многочисленные восстания трудового населения во всей их конкретности и многообразии. Признавая несомненную важность изучения идеологической борьбы и взаимоотношения базисных и надстроечных явлений, но стремясь избежать в данном докладе чрезмерного расширения темы, советские ученые сознательно элиминировали вопросы истории культуры.

С содокладами к коллективному докладу советской делегации выступили П. Лемерль (Франция), П. Харанис (США) и Д. Ангелов (Болгария).

Доклад советских византистов вызвал широкую научную дискуссию, во время которой развернулась острая борьба мнений. Дискуссия началась на пленарном заседании и затем была продолжена в тот же вечер в более узком кругу специалистов по социально-экономической истории Византии. В югославской прессе эта вечерняя дискуссия была названа «дискуссией за круглым столом». В ходе ее выявились различия взглядов по важнейшим из обсуждавшихся здесь вопросам социально-экономической истории Византии: о существовании феодализма в Византийской империи, о переходе от рабовладения к феодализму, о славянской колонизации и сельской общине, о роли городов в исторических судьбах Византии, а также об «этатизме» и характере византийского государства.

## 1. Проблема феодализма

Проблема феодализма в Византии, порождавшая длительное время горячие споры в византиноведческой науке и разделившая ученых на «феодалистов» и «антифеодалистов», на XII конгрессе вновь оказалась в центре внимания. Основная полемика по этому вопросу, как, впрочем, и по всем остальным спорным проблемам, развернулась между советскими учеными и П. Лемерлем. В своем содокладе и в выступлении во время «дискуссии за круглым столом» профессор Лемерль отрицал наличие феодальных отношений в Византии. Основа расхождений советских ученых с П. Лемерлем состояла в том, что спорящие стороны подходили с различными критериями к оценке сущности феодализма: если для П. Лемерля понятие «феодализм» равнозначно лишь рассеянию государственного суверенитета, децентрализации и распаду государства на отдельные феодальные вотчины, то для историков-марксистов феодализм — это особый способ производства, закономерная стадия развития человеческого общества. По классическому определению В. И. Ленина, феодализм, как известно, характеризуется господством натурального хозяйства, наделением непосредственного производителя средствами производства, в частности земель, и прикреплением его к земле, наличием личной зависимости крестьян от феодала и существованием «внеэкономического принуждения», наконец, рутинным состоянием техники.

Исходя из ошибочного понимания феодализма как раздробления государственного суверенитета между частными лицами, П. Лемерль резко противопоставляет социально-экономическое развитие Запада и Востока. На Западе, полагает ученый, после германского завоевания наступил период упадка и даже исчезновения государственной власти — период феодализма, тогда как на арабском Востоке и в Византии всегда сохранялась прочная централизация и сильная государственная власть. Вторым аргументом, выдвигаемым П. Лемерлем против представления о существовании феодализма в Византии, является тезис об отсутствии здесь форм условного землевладения типа феода или лена. В связи с этим П. Лемерль настойчиво отрицает наличие в Византии феодального землевладения. Он не видит его зарождения и роста в IV—VII вв., полемизируя по этому вопросу с Н. В. Пигулевской; коренным образом расходится он и с М. Я. Сюзюмовым, утверждая, что в X в. нельзя говорить о феодализации Византии; в частности, П. Лемерль полагает, что византийские династии не были крупными землевладельцами, а являлись представителями чиновной (светской и духовной) знати, которая была сильна в социальном, но не в экономическом отношении. Между тем в разделе доклада советских ученых, написанном М. Я. Сюзюмовым, убедительно показано, что основой как политического, так и экономического влияния династов X в. была их феодальная земельная собственность. Мнение П. Лемерля по вопросу о феодализме в Византии поддержали Ф. Дельгер,

также отрицавший наличие в Византии феодального условного землевладения, и Н. Зворонос, утверждавший, что хотя крупное землевладение всегда существовало в империи, но оно не являлось феодальным и что византийскую пронию отнюдь нельзя отождествлять с западноевропейским феодем. По мнению Звороноса, феодеы появляются в Византии лишь после крестовых походов, что засвидетельствовано Морейской хроникой.

В защиту концепции советских ученых о византийском феодализме выступили Д. Ангелов, Г. Острогорский и Э. Кондураки.

В своем содокладе Д. Ангелов всецело поддержал общую концепцию советских историков о развитии в Византии IV—XII вв. феодальных отношений. При этом он подчеркнул огромное значение комплексного изучения формирования феодализма в деревне и городе. Вместе с тем содокладчик сделал некоторые замечания относительно этапов развития феодализма в Византии. В частности, по его мнению, элементы феодализма в Восточной Римской империи были уже достаточно зрелыми в IV—VI вв.; они достигли тогда большего уровня развития, чем это было показано в докладе советских ученых. Кроме того, Д. Ангелов предлагал сильнее подчеркнуть во втором разделе доклада, написанном Е. Э. Липшиц, наличие в Византии в VIII—IX вв. наряду со свободной сельской общиной и крупной феодализирующейся земельной собственности. Значительную часть своего содоклада Д. Ангелов посвятил освещению социально-экономического развития Византии в XIII—XIV вв., дополнив тем самым доклад советских византинистов. Он показал рост феодального, главным образом монастырского, землевладения, проанализировал различные формы феодальной ренты и подробно остановился на положении отдельных категорий феодально-зависимых крестьян в поздней Византии.

В чрезвычайно интересном и содержательном выступлении Г. А. Острогорский признал наличие феодальных отношений в Византии. При этом он подчеркнул, что не является сторонником теории раннего развития феодализма в Византийской империи, считая возможным датировать утверждение феодального строя в Византии лишь XI веком. Признавая важность таких характерных особенностей феодального строя, как децентрализация и упадок государственной власти (о чем говорил П. Лемерль), Г. Острогорский дал значительно более широкое толкование понятия «феодализм», указав на необходимость включения в него таких важнейших компонентов, как феодальная собственность и существование класса феодалов-архонтов, наличие зависимого крестьянства и др. Г. Острогорский особо остановился на вопросе о характере и специфике византийской пронии и византийской экскуссии. В ходе обсуждения проблемы феодализма в Византии между Г. Острогорским, с одной стороны, П. Лемерлем и Н. Звороносом, с другой, развернулась очень интересная полемика относительно оценки такого важного памятника, как недавно изданный Н. Звороносом «Фиванский кадастр». Если П. Лемерль и Н. Зворонос, признавая прямую преемственность «Податного устава» и «Фиванского кадастра», указывали, что оба документа свидетельствуют о сохранении полной собственности крестьян на землю и крестьянской общины как в X, так и в XI вв., что, по их мнению, было результатом государственных мероприятий, продиктованных интересами фиска — то Г. Острогорский, наоборот, отметил не только сходство, но и различия между общественными отношениями, нашедшими свое отражение в обоих памятниках. В частности, в XI в. наряду с общиной прослеживается и крупное землевладение феодального типа, а деревни все более становятся феодальной.

З. В. Удальцова подчеркнула, что упрек П. Лемерля советским исследователям, якобы недооценивающим значения Фиванского кадастра, основан на недоразумении, ибо советские византинисты А. П. Каждан и К. А. Осипова уделяют особое внимание анализу этого документа, причем их выводы изложены в работах, представленных конгрессу.

Э. Кондураки, посвятивший свое выступление развитию городов и денежному обращению в ранней Византии (о чем будет сказано ниже), в целом также поддержал концепцию советских историков о наличии феодализма в Византии. Он, в частности, указал, что в VII в. основу могущества аристократии в Балканских владениях Византии составляли земельные владения; в это время происходил упадок денежного обращения, связанный с общим ростом натурализации хозяйства.

## 2. Проблема перехода от рабовладения к феодализму и историческое место событий IV—VII вв. в развитии Византии

В оценке причин, характера и сущности социально-экономических сдвигов, происходивших в Византийской империи в IV—VII вв., во время дискуссии также наметились две основные точки зрения. Признавая, что на Западе античный мир был отделен от средневекового германским завоеванием, в результате которого здесь на-

чалось рождение феодализма, П. Лемерль вместе с тем отрицал какой-либо «перерыв» в плавном, эволюционном развитии Византии в раннее средневековье. Отказавшись от гиббоновского представления о застойном характере Византии, П. Лемерль, однако, полагает, что, хотя в Византийской империи не было застоя, она не знала и внутренних потрясений, всяческих «революций», будучи по своей природе «антиреволюционной». Истории Византии на всем ее протяжении, по мнению П. Лемерля, была свойственна медленная эволюция, лишь иногда спорадически ускоряемая внешними толчками. По утверждению французского ученого, Византия в IV—VI вв. эволюционировала к этатизму, к усилению государственной власти, к централизации, а отнюдь не к феодализму (конечно, в его собственном понимании этого термина, о чем говорилось выше). Все социально-экономические перемены, происшедшие в Византии в IV—VI вв., были обусловлены с точки зрения П. Лемерля, двумя факторами: потребностями фиска и изменением численности населения; иными словами, в оценке ранневизантийского периода П. Лемерль всецело исходит из фискальной и демографической теорий. Прикрепляя колоннов к тяглу и к земле, подчиняя свободных крестьян в митрономиях системе эпилоте, византийское государство, по Лемерлю, преследовало исключительно фискальные цели, отнюдь не заботясь об интересах крупных землевладельцев. Колонат, в глазах этого исследователя, — явление второстепенное, подчиненное, порожденное нехваткой рабочих рук, которая, в свою очередь, была вызвана обстоятельствами демографического порядка. Патронат, согласно теории П. Лемерля, также является лишь следствием фискальных злоупотреблений и борьбы латифундистов с государством. Таким образом, глубочайшие социально-экономические изменения в империи IV—VI вв., связанные с разложением рабовладения и зарождением новых форм производственных отношений, сводятся П. Лемерлем к деятельности государства и изменениям численности населения; причины подменяются в этой концепции следствиями, ибо ведь сами реформы в области налогового обложения и новые требования фиска обуславливались глубокими социально-экономическими сдвигами, так же как и нехватка рабочих рук, запустение земель; да и демографические изменения были порождены в конечном счете кризисом рабовладельческого способа производства. То же можно сказать и о причинах упадка курий и разложения муниципального строя. По мнению П. Лемерля, и эти важнейшие явления были порождены лишь новыми потребностями государства и фиска; между тем, с точки зрения советских ученых, они явились результатом разложения рабовладельческого полиса и упадка рабовладельческой городской собственности.

Концепцию перехода от рабовладения к феодализму, выдвинутую советскими учеными, поддержал Д. Ангелов, высказавший ряд соображений о природе и происхождении колоната как особой формы производственных отношений, свойственной переходному периоду.

Дискуссию вызвала также оценка, данная П. Лемерлем народным движениям в ранней Византии. Плодом недоразумения является тезис П. Лемерля, будто народные движения в Византии IV—VI вв. происходили исключительно в городах. Подобное утверждение потребовалось П. Лемерлю для того, чтобы опровергнуть выводы советских ученых об обострении классовой борьбы в ранней Византии. Между тем источники IV—VI вв. дают многочисленные примеры участия в народных восстаниях сельских рабов, колоннов, бедноты (восстание Прокопия 365—366 гг., движение вестготов на Дунае, восстание Тригигильда, движение *latrones*, скамаров, восстания в Египте на рубеже VI—VII вв., а также восстания Стотзы в Северной Африке, народные движения в Италии при Тотиле и др.).

Д. Ангелов, подчеркнув правильность постановки вопроса о классовой борьбе в докладе советских ученых, вместе с тем отметил необходимость углубленного изучения еретических движений как в ранней Византии, так, особенно, в последующий период.

Предметом особого обсуждения на конгрессе был кризис VII в., которому посвятил доклад П. Харанис (США). Подчеркнув сложность и малоизученность вопроса, П. Харанис остановился на природе важных сдвигов, которые произошли в социальных и политических институтах и социальной структуре византийского общества в VII—VIII вв. Исходя опять-таки из демографической теории, П. Харанис считает решающим фактором, породившим эти сдвиги, изменения численности населения в империи. По мнению П. Хараниса, историю Византии в VII—VIII вв. характеризуют два основных явления, определявших и дальнейшее историческое развитие империи. Это изменения в численности населения — сокращение его в IV—VI вв., в первую очередь в связи с нашествием варваров, затем новое возрастание в VII—VIII вв., связанное с внутренней колонизацией (переселением внутри империи армян, сирийцев, славян, греков и других народов), и, во-вторых, этнические перемены, коснувшиеся также и армии: в VI в., по мнению П. Хараниса, происходила ее варваризация, а в VII—VIII — ориентализация, иными словами, армия пополнялась за счет кавказских и других восточных народов. Возрастание населения в VII—VIII вв. и этнические перемены в империи, по утверждению П. Хараниса, и привели к появ-

лению в Византии свободных крестьянских общин, засвидетельствованных «Земледельческим законом». В этом отношении П. Харанис солидаризируется с П. Лемерлем, который тоже полагает, что увеличение населения в VII в. привело к усилению свободных общин, а уменьшение его численности в X в., в связи с войнами и стихийными бедствиями, — к наступлению динатов на общину и закреплению париков. Следует отметить, что П. Харанис в известной степени признает связь издания «Земледельческого закона» со славянской колонизацией; в частности, он объясняет позднее (начало VIII в.) появление этого закона тем, что до этого времени славяне не были подчинены юрисдикции империи. Вместе с тем П. Харанис, на наш взгляд, неправильно сводит причины распространения в Византии VIII—IX вв. общинной собственности лишь к демографическим и этническим факторам, оставляя в стороне глубокие социально-экономические сдвиги, которые происходили в VII в. в империи. Неизбежно возникает вопрос о причинах самих этих демографических и этнических изменений, который невозможно разрешить без изучения коренных изменений условий жизни варварских племен, вызвавших их массовые передвижения.

### 3. Славянская колонизация и свободная сельская община в Византии VIII—IX вв.

Особенно оживленную и острую полемику вызвал на конгрессе старый, но вновь и вновь разгорающийся спор о роли славян и славянской общины в истории Византии.

В своем содокладе П. Лемерль говорил о некоторой эволюции взглядов известной советской исследовательницы Е. Э. Липшиц на славянскую колонизацию, подчеркивая, что в последнее время ее суждения стали более осторожными; вместе с тем он сожалел о том, что Е. Э. Липшиц не отказалась от своего основного тезиса о том, что возрождение свободных общин в Византии в VIII—IX вв. было связано с поселениями славян на территории империи. Действительно, Е. Э. Липшиц в своем докладе ушла исследования, появившиеся после ее предшествующих работ о славянской колонизации Византии, в частности труды М. В. Левченко и Р. Таубеншлага, показывающие развитие местных сельских общин в Византии в V—VI вв., а также дополнительные сведения о переселениях армян, сирийцев и других народов во Фракию. Однако эти новые данные науки отнюдь не подрывают, а дополняют ее основной вывод, который состоит в следующем: сельские территориальные общины, зафиксированные «Земледельческим законом», VIII—IX вв., стали основной формой жизни как пришлого и переселенного, так и местного населения Византии. Вместе с тем Е. Э. Липшиц очень ясно показала прогрессивную роль славянской колонизации Византии, которая состоит в том, что освоение славянами заброшенных и новых земель привело к поднятию агрикультуры, а распространение свободной общины дало крестьянам прочную организацию в борьбе против натиска динатов.

Одновременно важно указать на то, что новые работы советских ученых и дискуссия, проведенная в 1960—1961 гг. в журнале «Вопросы истории», выявили еще один важный аспект этой старой проблемы: была установлена коренная эволюция общины за период с IV по IX в. Никким образом нельзя ставить знак равенства между византийской общиной IV—VI вв., восходящей еще к эллинистическим порядкам, и общиной VIII—IX вв. Община «Земледельческого закона» — это уже развитая территориальная община, с ярко выраженным дуализмом частной и общинной собственности, со своими специфическими чертами (в частности с существованием права предпочтения — протимисис). Эта община в дальнейшем делается исходным пунктом феодального развития Византии. В указанном изменении характера и внутренней структуры византийской общины немалую роль сыграло воздействие общинных институтов славян.

Основные расхождения советских ученых с П. Лемерлем намечались в оценке причин, характера и сущности социальных сдвигов VIII—IX вв.

П. Лемерль полагает, что укрепление общинной собственности в Византии, засвидетельствованное «Земледельческим законом», явилось результатом опять-таки демографических изменений: рост населения в VII—VIII вв. (в связи с поселением новых племен на территории Византии и внутренней колонизацией) ликвидировал нехватку рабочих рук, тем самым для государства отпала необходимость прикрепления крестьян к земле; отсюда — покровительственная политика в отношении сельских свободных общин, связанная также и с потребностями фиска. Таким образом, глубокие процессы социально-экономического развития подменяются у П. Лемерля демографическими изменениями и развитием потребностей государства, в частности фиска.

#### 4. Проблема византийского города

Значительный интерес участников дискуссии и всех ученых вызвало обсуждение сложной проблемы роли городов в истории Византии. Этот спорный и еще недостаточно изученный вопрос рассматривался главным образом в двух аспектах:

1) существовала ли прямая преемственность, между городами античного времени и Византии;

2) в каких масштабах сохранялось в Византийской империи денежное обращение и каково было соотношение денежного и натурального хозяйства в различные периоды истории Византии.

П. Лемерль, ссылаясь главным образом на труды Р. С. Лопеса, решительно выступил в защиту представления о непрекращавшемся существовании городов в Византии; он выдвинул тезис об отсутствии в империи натурального хозяйства и постоянном господстве денежных отношений. В связи с этим П. Лемерль утверждал, что нельзя говорить об упадке византийских городов в VII—IX вв.; если в отдельных внутренних городах империи в этот период наблюдается некоторый спад экономической жизни, то приморские города продолжали развиваться, а «освобождение» коснулось как сельского населения (замена колоната свободной общиной), так и городского, освобожденного в этот период от прикрепления к торгово-ремесленным коллегиям.

Отрицание натурализации хозяйства в Византии и явное преувеличение масштабов развития денежного обращения в конечном счете послужили для П. Лемерля еще одним важным аргументом против теории, признающей существование феодальных отношений в империи. Некоторые советские ученые (например, А. П. Каждан) показали в своих работах, что упадок и аграризация византийских городов в VII—пол. IX в., связанные с крушением рабовладельческого полиса и рождением нового, феодального города, являются прямым следствием общей натурализации хозяйства и развития феодального строя. Конечно, это был сложный процесс, когда одни города продолжали сохраняться, другие исчезли, а третьи создавались заново, но основным, ведущим среди этих явлений было рождение новых производственных отношений как в деревне, так и в городе, где на смену рабским эргастериям и коллегиям закрепощенных ремесленников римско-эллинистических времен пришли средневековые мастерские свободных ремесленников. Вместе с тем, конечно, Византия всегда отличалась своеобразием развития (сохранение рабства в ремесле, применение наемного труда мистиев и другие явления, хорошо показанные в трудах советских ученых, в частности М. Я. Сюзюмова).

Во время дискуссии весьма интересные суждения о роли городов и денежного обращения в истории Византии были высказаны академиками Г. Острогорским и Э. Кондураки.

Г. Острогорский, указав на крайнюю скудность источников по истории византийского города, затрудняющую изучение проблемы в целом, подчеркнул вместе с тем различие развития Запада и Востока в раннее средневековье, которое, по его мнению, состоит прежде всего в большем континуитете и стабильности городов на Востоке по сравнению с Западом. Не отрицая известного упадка городов в Византии в VII—пол. IX в., Г. Острогорский, однако полагает, что степень этого упадка была преувеличена в интересных работах А. П. Каждана. Одновременно, не соглашаясь с П. Лемерлем, целиком отрицавшим натурализацию хозяйства в Византии, Г. Острогорский все же считает, что и в VII—пол. IX в. денежное обращение оставалось в Византии если не господствующим, то весьма значительным.

Э. Кондураки, видный румынский археолог и историк, остановился в своем выступлении на судьбах балканских городов в раннее средневековье. Он доложил присутствовавшим об итогах своих многолетних исследований города Истрии, на основании которых пришел к выводу, что город этот продолжает существовать и развиваться и в VII в. Топонимический и археологический материал свидетельствует, что Истрия оставалась в это время крупным центром и ее развитие было связано с проникновением сюда славянского населения.

В связи с рассмотрением проблемы византийских городов во время дискуссии поднимались и некоторые другие вопросы, в частности о соотношении развития столицы империи и провинциальных городов. Критикуя общую постановку проблемы города и деревни в докладе советских ученых, П. Лемерль высказал мнение, что указанную проблему следует рассматривать не в двух, а в трех аспектах, говоря не о «городе и деревне в Византии», а о столице империи — Константинополе, провинциальных городах, и деревне в Византии. Свое предложение П. Лемерль аргументировал указанием на специфику развития Константинополя и его особое положение в империи. Конечно, советские ученые в полной мере учитывают эту специфику, что нашло особенно яркое отражение в разделах доклада, написанных М. Я. Сюзюмовым и А. П. Кажданом, однако в целом вряд ли можно согласиться с предложением П. Лемерля; с точки зрения понимания города как особой социально-экономической

категории, как центра ремесла и торговли, Константинополь при всем его своеобразии не представляет чего-либо совершенно отличного от других городов империи и его историю нельзя отрывать от общего процесса развития товарного производства в Византии. При рассмотрении этого вопроса обнаружились расхождения между П. Лемерлем и М. Я. Сюзюмовым в понимании и оценке развития Константинополя: для П. Лемерля Константинополь — преимущественно и почти исключительно центр развития торговли, для М. Я. Сюзюмова — не только торговли, но и ремесла. Отсюда и различная оценка этими исследователями такого памятника, как «Книга эпарха». В трактовке советского ученого, «Книга эпарха» совершенно отчетливо предстает как важнейший источник для изучения внутренней структуры константинопольского ремесленного производства в X в., видов ремесел, социального состава цехов и т. п. Для П. Лемерля же «Книга эпарха» — документ административного характера, и только.

Некоторые возражения П. Лемерля вызвала трактовка вопроса о развитии провинциальных городов и упадке Константинополя в XI—XII вв., данная в разделе доклада, написанном А. П. Кажданом.

П. Лемерль упрекал его в том, что он якобы стирает различия в развитии городов Запада и Востока. Между тем советские ученые отнюдь не отождествляют развитие городов в XI—XII вв. на Западе и в Византии, а изучают специфику этого процесса в различных странах. В докладе советской делегации А. П. Каждан показал, что новый этап в развитии византийских городов в XI—XII вв., обусловленный подъемом провинциальных городов и упадком Константинополя, был связан прежде всего с ростом феодальной раздробленности в Византии, представлявшей собой прогрессивный этап развития феодального общества; этот тезис подтверждается фактическим материалом, приведенным в докладе.

## 5. Вопрос о роли государства в истории Византии

Среди других дискуссионных сюжетов на конгрессе оживленно дебатировался и вопрос о роли государства в истории Византии.

В содокладе П. Лемерля красной нитью проходила идея противопоставления «этиатистской» и централизованной Византии феодальному Западу. Одной из основных специфических особенностей исторического развития Византии, с точки зрения французского ученого, являлось господство централизации и сохранение сильного византийского государства почти на всем протяжении существования империи. Это главным образом и обусловило, по П. Лемерлю, отсутствие в Византии феодальных отхождений: этиатизм для него является антиподом феодализма. При этом само государство у П. Лемерля всегда выступает как отвлеченная, надклассовая сила, независимая от каких-либо классов и социальных группировок. Особенно ярко сказались эти взгляды П. Лемерля в его полемике с М. Я. Сюзюмовым в связи с оценкой деятельности императоров Македонской династии. В то время как в докладе М. Я. Сюзюмова вполне ясно показано, что Македонская династия выражала интересы определенных социальных групп византийского общества (торгово-ремесленных кругов и чиновной знати) и проводила политику ограничения династов в интересах этих группировок, а не в защиту крестьянства, в глазах П. Лемерля, императоры этой династии, стоящие якобы над всеми классами византийского общества, выступают носителями идеи централизации вообще, борцами против династов, защитниками общины и «убогих».

Вопрос о роли византийского государства попутно коснулся в своем выступлении и Г. Острогорский, указавший, что хотя этиатизм и характерен для Византии, особенно в ранний период ее истории, но он ослабевает по мере феодализации империи.

В заключение следует сказать, что благодаря остроте споров, развернувшихся по основным вопросам, связанным с докладом советской делегации, эта дискуссия была исключительно плодотворной, и, надо надеяться, она поможет выяснению некоторых важных и спорных проблем социально-экономической истории Византии.

\* \* \*

На пленарном заседании конгресса 11 сентября, кроме обсуждения доклада советской делегации, состоялся доклад профессора Д. Оболенского (Оксфорд) «Принципы и методы византийской дипломатии». Докладчик отметил, что дипломатия Византийской империи все еще ждет своего историка. До сих пор были сделаны лишь попытки дать краткий и суммарный очерк византийской дипломатии. Для создания фундаментального труда в этой области требуется еще большая подготовительная работа; необходимы исследования, посвященные внешней политике империи в отдельных районах. В своем докладе Д. Оболенский поставил перед собой задачу исследовать принципы и методы византийской дипломатии на материалах лишь одного



из таких ограниченных районов, а именно — на северных рубежах империи (от Карпат до Кавказа).

Подчеркивая важность для Византии стран и народов, живших к северу от ее границ, и сложность отношений между империей и ее северными соседями (гуннами, болгарами, аvaraми, славянами, русскими, печенегами), докладчик указывает, что в науке общепризнана большая роль Византии, более тысячи лет являвшейся стражем восточных границ Европы, однако не всегда должным образом оценена заслуга византийской дипломатии в деле сохранения цивилизации Восточной Европы.

В своих отношениях с варварами Византия предпочитала дипломатию войне. Это понятно: сражаясь всегда на два фронта (на востоке — против персов, арабов и турок, на севере — против кочевников и балканских славян), византийцы из личного опыта знали, каких огромных расходов в деньгах и людской силе требовала война.

Д. Оболенский приходит к выводу, что главными целями византийской дипломатии (как во времена Юстиниана, так и Константина Багрянородного) были: постоянная защита границ империи путем подавления в зародыше нападения кочевников; расширение, насколько возможно, сферы политической и культурной гегемонии империи путем создания у ее границ цепи зависимых государств, лояльность которых по отношению к империи укреплялась благодаря принятию православия и признанию верховенства византийского императора.

Византийская империя, по мнению докладчика, в своих основных чертах являлась синтезом трех традиций: римской, эллинистической и христианской. Римская концепция права и государства, греческий язык, литература и философия, христианская вера с ее иудейской основой — таковы основные составные части византийской цивилизации. Эти три традиции, полагает Д. Оболенский, легли в основу принципов византийской внешней политики. От римлян византийцы восприняли идею всеобщей (универсальной) империи; они верили, что их империя в принципе совпадала с цивилизованным миром, с Ойкуменой, единственным законным повелителем которой был их император. В состав Ойкумены они включали все страны, население которых исповедовало православную религию и признавало византийского императора верховным главой христианского мира и представителем бога на земле (в том числе Сербию, Болгарию и Русь).

Всеобщность империи в действительности была весьма относительной, так как вне ее пределов, вне Ойкумены жили народы-язычники, которых византийцы называли «варварами». Заимствовав это понятие у древних греков, византийцы, однако, считали римлянами всех православных и признающих власть императора, а «варварами» — не негров (по этническому признаку), а всех, не принадлежавших к православной церкви.

Таким образом, римской идее единой, универсальной империи и эллинистическому понятию «варвары» византийцы дали метафизическое толкование, заимствованное из традиции иудаизма и христианства. Pax Romana приравнивался к Pax Christiana, и интересы империи совпадали с успехами христианской веры.

Д. Оболенский приходит к выводу, что основными принципами, определявшими внешнюю политику Византии, были: универсальность, заимствованная из древнего Рима; разграничение ромеев и «варваров»; иудейско-христианская концепция избранного народа, предназначенного нести истинную веру во все уголки земли.

Эти принципы, особенно первый, часто противоречили объективной действительности, так как «варвары» находились за пределами Ойкумены. Поэтому задачей византийских дипломатов было ввести их в Ойкумену. Для этого они использовали различные методы — в зависимости об обстоятельств: деньги (в том числе дань, выплачиваемую Византией), пожалование правителям варваров византийских титулов, знаков достоинства (в том числе корон), заключение браков со знатными византийскими девушками. Но главным орудием византийского универсализма, по утверждению Д. Оболенского, была православная вера, с принятием которой варвары становились в зависимость от империи.

Деятельность византийской дипломатии за пределами империи поддерживалась деятельностью дипломатов внутри страны. Они не жалели трудов, чтобы внушить иностранным правителям или их послам, прибывавшим в Константинополь, представление о мощи и могуществе империи (показ войск, укреплений, роскошных зданий, храмов, торжественные приемы и т. д.).

В последней части доклада Д. Оболенский совершенно справедливо предостерегает исследователей от идеализации византийской дипломатии. Он подчеркивает, что далеко не все северные варвары признавали притязания византийского императора на власть над миром (пример — аварский хан). Искусство натравливать один варварский народ на другой и вероломство византийцев, предававших своих союзников, не всегда содействовали укреплению их престижа у жертв этой дипломатической игры. Иногда традиционализм византийской внешней политики превращался в архаический романтизм. По мнению докладчика, методам византийской дипломатии был присущ любопытный дуализм: «смесь консерватизма и гибкости, властной гордости и крайней сердечности, агрессивного империализма и политического великодушия».

Однако, по нашему мнению, сам докладчик не избежал некоторой идеализации одной специфической сферы византийской дипломатии — дипломатии церковной. Он не только подчеркивает большое значение церковной дипломатии Византии для судеб Восточной Европы (против чего вряд ли можно спорить), но всячески восхваляет гибкость дипломатии православной церкви, которая, по его утверждению, умела сочетать политику последовательной борьбы за гегемонию империи с уступками национальным чувствам византийских «сателлитов» (!) (этот термин странным образом применен к таким могущественным государствам, как Болгария, Сербия и Русь). По мнению Д. Оболенского, распространение византийской культуры на север благодаря миссионерам привело в начале XI в. к созданию целого содружества европейских наций (Моравии, Болгарии, Руси) с возникающей христианской культурой, верностью церкви и императору Восточного Рима. Ведущую роль в этом мирном завоевании сыграли византийские миссионеры.

Не отрицая известной гибкости византийской церковной дипломатии, особенно в отличие от дипломатии папского престола, мы хотели бы только заметить, что эта внешняя мягкость и гибкость византийской церковной дипломатии зачастую являлась лишь прикрытием ее истинных стремлений к подчинению соседних стран и народов и к распространению не только церковного, но и политического влияния Византии. Недаром эта политика встречала сопротивление и нередко терпела поражение. Стоит вспомнить хотя бы борьбу Руси за создание своей независимой церкви, окончившуюся ее полной победой.

В заключение Д. Оболенский остановился на значении византийской дипломатии в судьбах Европы. По его мнению, в целом византийская дипломатия действовала весьма успешно. Много раз спасая империю от вторжения и разрушения, втягивая многочисленные языческие народы в орбиту греко-римской цивилизации, приобретая для христианства и Европы соль много стран на Балканах и к северу от Черного моря, эта дипломатия являлась фактором огромного значения в истории Европы. Не следует, подчеркнул докладчик, пренебрегать и ее влиянием на культурное наследство: с точки зрения Д. Оболенского, народы Восточной Европы в своей внешней политике многому научились у византийцев, а некоторые традиции византийской дипломатии были заимствованы на Западе через посредство Венеции.

Содокладчиком по докладу Д. Оболенского на заседании выступил только Д. Закифинос (Афины), поскольку второй содокладчик, известный венгерский византист и крупный специалист по истории международных отношений Дьюла Моравчик в связи с болезнью не мог прибыть на конгресс. В содокладе Д. Закифинос, помимо некоторых дополнений, касающихся возможного расширения круга источников, использованных Д. Оболенским, сделал ряд замечаний принципиального характера. Прежде всего, он указал на недопустимость отделения дипломатии от внешней политики византийского государства. Затем он наметил некоторые, на его взгляд, наиболее важные отличительные черты византийской дипломатии. Таковыми являются ее оборонительный характер и приверженность традиции, консерватизм, который, однако, не мешал ей быть достаточно реалистичной. Содокладчик указал на необходимость выяснения путей формирования основных принципов и методов византийской дипломатии. Возможными компонентами, из которых она могла складываться, с точки зрения Д. Закифиноса, являются собственный опыт, греко-римская традиция и использование опыта дипломатии соседних народов (сасанидского Ирана, арабов и др.). По мнению Закифиноса, главное — это собственный опыт византийских дипломатов и использование греко-римской традиции. В этом отношении, нам думается, содокладчик несколько преуменьшил значение влияния на византийскую дипломатию дипломатии различных народов Востока и Запада, сталкиваясь с которыми, византийские дипломаты, несомненно, в той или иной степени усваивали и использовали методы и приемы их дипломатии. Вместе с тем, на наш взгляд, справедливым является замечание Д. Закифиноса о необходимости изучения влияния византийской дипломатии на соседние страны и народы — на империю Сасанидов и арабский халифат, папский престол и Венецию, на славянские государства и Османскую империю. Особое место и в содокладе Закифиноса занимала характеристика церковной дипломатии Византии. Признавая, что церковная дипломатия всемерно содействовала осуществлению государственной политики, содокладчик в то же время подчеркивает, что сама православная церковь проводила самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику, действуя зачастую независимо от государства.

Учитывая важность для византийской дипломатии финансовых и экономических вопросов, Д. Закифинос указал на необходимость изучения взаимного влияния экономических и дипломатических связей Византии с различными народами. В заключение он призывал к изучению важных, хотя и чисто технических, вопросов организации византийской дипломатии (избрание и назначение дипломатов, техника дипломатических сношений, права и обязанности послов, заключение договоров и т. д.).

12 сентября на пленарном заседании обсуждался доклад западногерманского ученого Г. Бекка (Мюнхен) «Паламизм и гуманизм». Докладчик развивал весьма спорную теорию о превосходстве мистического религиозного учения византийского бого-

слова Григория Паламы над гуманистическими идеями калабрийского ученого Варлаама и его последователей. В начале своего доклада Г. Бекк справедливо отмечает, что борьбу паламитов и варламитов нельзя рассматривать лишь как чисто богословский спор: ее необходимо изучать в тесной связи со всей духовной жизнью Византийского общества XIV в. Г. Бекк указывает, что паламитский спор в широком смысле слова следует считать столкновением паламизма с гуманизмом. Однако вряд ли можно согласиться с его определением гуманизма. Признавая широту этого понятия, Г. Бекк понимает все же под гуманизмом в первую очередь теологическую, спекулятивную систему, зерно которой представляет учение об отношении «божественной сущности к действию божества». Этой системе в известной степени, по мнению Г. Бекка, присущи черты рационализма, и поэтому она была враждебна мистике. По утверждению Г. Бекка, неправы те ученые, которые рассматривают спор паламитов и варламитов исключительно как столкновение восточноцерковного и западного, схоластического образа мышления, как своего рода реакцию византийского богословия против рационалистического гуманизма Запада. По мнению Г. Бекка, против этой точки зрения говорит то, что противники Паламы — и Григорий Акиндин, и Никифор Григора — не только не были связаны с западной схоластикой, но их учение целиком противостояло ей. Из противников Паламы лишь Прохор Кидон строил свою аргументацию, прибегая к схоластическим приемам, но его борьба против Паламы относится уже к периоду после победы паламизма. Сложнее обстоит дело с оценкой позиции основного противника Паламы — Варлаама Калабрийского. Г. Бекк отрицает значительность влияния западного богословия на Варлаама, но вместе с тем подчеркивает, что его происхождение (Южная Италия) и положение иностранца, всегда внушавшее недоверие византийским ортодоксам, сыграли роковую роль в его судьбе.

Наиболее настойчиво Г. Бекк возражает против концепции тех ученых, которые, на наш взгляд, вполне правомерно усматривали в паламитском споре столкновение не только богословских, но и социально-политических взглядов двух социальных группировок византийского общества, боровшихся между собой: на одной стороне выступали Кантакузин и его партия, связанные с феодалами и крупным землевладением, а на другой — Палеологи, «социальные революционеры» (зилоты) и антипаламиты. Нельзя отрицать связи Кантакузина с Паламой, ибо победе паламитов ничто так не способствовало, как религиозная политика этого императора. Вместе с тем сам Иоанн VI Кантакузин, видимо, понимал, какую услугу может оказать его правительству партия паламитов и учение исихастов, своей мистикой отвлекающее подданных империи от реального мира с его социальным неравенством и нищетой. Концепцию этих ученых Г. Бекк считает гипотезой, якобы не подтверждаемой источниками; основным аргументом против нее он выдвигает то обстоятельство, что состав борющихся партий постоянно менялся и был текучим, так же как не являлась стабильной и позиция наиболее выдающихся участников борьбы — Никифора Григоры, Дмитрия Кидона и деятелей «палеологовской» партии. Для Г. Бекка в паламитском споре в конечном счете значительно важнее его богословская сторона. По его мнению, превосходство учения Паламы и его историческое значение состоят в том, что оно явилось победоносной реакцией против гуманизма, стирающего грань между светским знанием и христианским богословием. Победа паламитов означала торжество учения о возможности мистически-богословского познания бога. Она остановила «опасное» развитие идеологии в Византии к язычеству и заставила представителей византийского гуманизма перенести свою деятельность в Италию.

С содокладом выступил И. Майендорф (Нью-Йорк), высказавший несогласие с некоторыми положениями Г. Бекка. Расхождения касались, в частности, понимания термина «гуманизм». По мнению И. Майендорфа, название «гуманисты» в Византии следует прилагать ко всем ученым (начиная с Фотия и кончая Плифоном), которые занимались изучением классической древности. Вряд ли, на наш взгляд, можно согласиться со столь односторонним определением гуманизма, игнорирующим тот решающий факт, что гуманизм был широким культурным движением, выражавшим идеологию нового, нарождающегося класса. Таким образом, как в основном докладе Г. Бекка, так и в содокладе И. Майендорфа, к сожалению, не было дано точного определения гуманизма вообще и византийского гуманизма в частности.

Интересным следует, на наш взгляд, признать замечание И. Майендорфа о том, что победа исихазма в Византии закрыла возможности для развития философии и светской культуры. И. Майендорф справедливо усматривает в этом отрицательные последствия торжества исихазма. Однако сам историк высказывает сомнение в существовании живых черт развития в византийском гуманизме, который, в противоположность западному, ограничивался лишь подражанием античной науке, оставаясь в рамках средневековой учености. В этом И. Майендорф усматривает слабость византийского гуманизма и причины поражения гуманистов в их борьбе с исихастами.

В тот же день, 12 сентября, на пленарном заседании выступил с докладом «Византийская и средневековая сербская государственная канцелярия» известный византист профессор Ф. Дельгер. Он рассматривал особенности организации и дея-

тельности византийской императорской и отчасти средневековой сербской канцелярий, а также характеризовал дипломатические элементы различных видов документов, выходявших из этих канцелярий. В центре внимания Ф. Дэльгера, как он сам это отмечает, находилась «только формальная (техническая) сторона императорских документов». Однако иногда докладчик делал интересные замечания, выходящие за пределы характеристики формальных дипломатических особенностей и касающиеся реального содержания, а также значения некоторых формул императорских документов<sup>1</sup>.

Формирование императорской канцелярии с ее системой 11 секретов Ф. Дэльгер относит ко времени между Константином Великим и Львом VI. Он подчеркивает, что было бы несправедливо рассматривать византийскую императорскую канцелярию как единый институт, способный осуществлять руководство всей гигантской системой управления из одного центра.

В докладе последовательно рассматривались функции отдельных чиновников императорской канцелярии. Отметив, что главенствующая роль при составлении документов принадлежала самому императору, Ф. Дэльгер переходит к классификации документов, разделяя их на два вида в соответствии с разным характером императорской подписи. К первому виду принадлежат документы, содержащие в качестве подписи имя императора, начертанные красными чернилами; ко второму — имеющие только минологу, т. е. собственноручно обозначенные императором красными чернилами месяц и индикт издания документа. Ф. Дэльгер приводит многочисленные типы документов обоих видов, характеризуя также материал, послуживший для их написания, и скрепляющие их печати.

Ф. Дэльгер вновь возвращается к своей давнишней полемике с В. Мопиным относительно существования в Византии документов, составляемых заинтересованными частными лицами и только удостоверенными в императорской канцелярии императорской подписью. Ф. Дэльгер настаивает на своей прежней точке зрения, сводящейся к тому, что в Византии такой практики не существовало. В отношении же Сербии этот вопрос не представляется ему окончательно выясненным, но он больше склоняется к его отрицательному решению.

Заключительная часть доклада была посвящена сербской средневековой канцелярии. Утверждая, что славянские народы Балкан якобы были издавна «наиболее восприимчивыми учениками византийцев», особенно в сфере государственного управления и церковного устройства, и отмечая тесные связи славянских народов и Византии в различных областях общественной жизни, Ф. Дэльгер полагает, что объединение Сербии и Византии, происшедшее в XIV в. под властью Стефана Душана, «было необходимым для мирного сосуществования» в этом районе Балкан. Имейшая налицо культурная общность являлась предпосылкой того, что сербское государственное устройство, в частности правительственная канцелярия, создавалось по византийскому образцу. Документы, издаваемые сербской канцелярией, по своим внешним дипломатическим признакам не отличались от соответствующих византийских образцов.

Доклад Ф. Дэльгера, являющийся в основном суммированием выводов автора, сформулированных в его многочисленных предыдущих исследованиях, в силу ряда своих особенностей — большого количества обобщенного материала, строгой и точной формы изложения, а также благодаря стремлению установить в ряде случаев точные хронологические вехи существования той или иной дипломатической особенности документа или продолжительности выполнения каким-либо чиновником определенной функции<sup>2</sup> — представляет собой важный труд, ценный для исследователей, работающих с византийскими и сербскими документами.

Однако необходимо учитывать, что в силу ограниченной задачи, поставленной в докладе, — исследовать только формальные, внешние дипломатические признаки документов, не затрагивая, как правило, содержания формул, — выводы Ф. Дэльгера правомерны только в отношении этой узкой, ограниченной сферы. Они должны кри-

<sup>1</sup> Так, он отмечает, что освободительная формула, встречающаяся в «dispositio» византийских хрисовулов и содержащая перечень многочисленных повинностей, от которых освобождался иммунитет, а также перечень чиновников, которым запрещался вход на территорию иммунитета, может не отвечать действительному положению вещей: ведь писцы канцелярий могли записать эту формулу так, как они ее помнили, даже если настоящее положение вещей уже изменилось.

<sup>2</sup> Так, например, Дэльгер отмечает, что право чиновника, именовавшегося ἐπι τοῦ καὶνέλου, удостоверять документ при помощи латинского «legimus» перешло к нему в IX в. [как свидетельствует парижский папирус 839, 841 (843?) гг.]. Раньше это право принадлежало квестору. После 1259 г. самый способ такого удостоверения документов исчезает. С 971/972 г. на документах хрисовульного типа появляется собственноручная императорская подпись. С 1272 г. старший соправитель после коронации начинает подписываться ἀποθράτωρ, а не βασιλεύς.

тически восприниматься всякий раз, когда исследователь обращается к существу документа, когда изучаются реальные исторические отношения и документ используется как исторический источник. Например, вывод Ф. Дельгера об исчезновении в *dispositio* византийских хрисовулов освободительной клаузулы самое позднее в XIII в. является верным только при очень узкой постановке вопроса, когда учитывается лишь определенный круг формальных признаков. Действительно, в поздневизантийских хрисовулах развернутая освободительная формула, характерная для XI столетия, исчезает. Однако в них налицо более краткая формула, которую нельзя игнорировать при изучении поздневизантийского иммунитета<sup>3</sup>. Впрочем, в позднее время встречаются иногда и довольно развернутые освободительные формулы, содержащие значительный перечень повинностей, от которых освобождается иммунитет<sup>4</sup>.

То же самое надо сказать и относительно сербских документов. Действительно, внешние признаки сближают сербские хрисовулы с греческими. Кстати, Ф. Дельгер не отмечает, что это сходство характерно только для сербских хрисовулов на греческом языке. Хрисовулы же на сербском языке и по содержанию, и по формальным данным значительно отличаются от византийских<sup>5</sup>. А некоторые формулы хрисовулов сербской канцелярии на греческом языке при формальном сходстве иногда имеют различие по содержанию. Так, освободительная формула греческих хрисовулов сербской канцелярии обычно содержит более подробный перечень налогов, чем соответствующая формула одновременных византийских документов. Не исключено, что в этом проявилось влияние формуляра сербских хрисовулов, для которых характерна пространная освободительная формула.

Основным оппонентом Ф. Дельгера выступил крупный знаток византийских и славянских средневековых источников В. Мошин (Загреб). В своем выступлении он на основании детального анализа различных документов сербских государственных канцелярий XII—XIV вв. нарисовал широкую картину эволюции характера и принципов составления документов этих канцелярий, происходившей в связи с политической историей средневековой Сербии. В центре внимания В. Мошина находился вопрос о влиянии византийских образцов на составление сербских документов, причем содокладчик совершенно справедливо указал, что наряду с византийским влиянием (которое то возрастало, то уменьшалось) сербская дипломатика находилась под воздействием как западной, так и славянской, болгарской и русской (особенно в XII в.) дипломатики.

В. Мошин наметил основные этапы развития сербской дипломатики; по его мнению, в XI—XII вв. центральное место занимает канцелярия Зеты, выработавшая свои приемы составления документов; они оказали влияние на развитие дипломатики других областей Сербии. Византийское влияние, не игравшее еще доминирующей роли в XII—XIII вв., значительно возрастает в XIV в. и достигает своего апогея в правление Стефана Душана. Однако и в это время сербские документы по своему оформлению отличаются от византийских, сохраняя известные самобытные черты. В. Мошин приходит к выводу, что византийская канцелярия не оказала столь всеобъемлющего влияния на сербскую; даже в периоды наибольшего проникновения византийского права в Сербию, сербские документы всегда сохраняли свои особенности, восходящие к древним западным традициям. В. Мошин вновь подтвердил свое мнение, высказанное 25 лет назад, что некоторые документы, составленные в Сербии на греческом языке, вышли не из государственных, а из монастырских канцелярий и были лишь скреплены подписью сербских кралей. Аналогичные явления наблюдались и в Византии, однако в исключительных случаях, вызванных особыми политическими причинами. Таким образом, В. Мошин в своем многолетнем споре с Ф. Дельгером настойчиво и аргументированно отстаивал свою прежнюю точку зрения.

С некоторыми критическими замечаниями по докладу Ф. Дельгера выступил Г. Острогорский, который на основании изучения грамот сербских канцелярий внес фактические уточнения относительно подлинности подписей сербских кралей на отдельных документах.

13 сентября на пленарном заседании был заслушан доклад советского ученого, члена-корреспондента АН СССР профессора В. Н. Лазарева «Живопись XI—XII вв. в Македонии». Тема доклада В. Н. Лазарева теснейшим образом связана с одной из центральных проблем истории византийского искусства — с проблемой местных национальных школ. В. Н. Лазарев последовательно проводил выдвинутый им в его много-

<sup>3</sup> Разбор этой формулы содержится в работе: Г. Острогорский. К истории иммунитета в Византии. ВВ, XIII, 1957.

<sup>4</sup> См., например, акты Хиландарского монастыря. ВВ, XVII, 1911. Прилож., № 60, 61, 70, 71.

<sup>5</sup> О формальных отличиях сербских и греческих хрисовулов сербских правителей см. V. Moščin. Gab es unter den serbischen Herrschern des Mittelalters eine griechische Hofkanzlei? «Archiv für Urkundenforschung», 13, 1935; его же. Предисловие к изданию греческих грамот сербских правителей, Гръчке Повеље српских владара. Београд, 1936.

численных новейших работах тезис о том, что «рядом с Константинополем, игравшим ведущую роль и, несомненно, задававшим тон, в средние века существовало немало местных художественных центров, опиравшихся на свои собственные традиции, порою весьма древние. Особое место занимали национальные школы, которые, как правило, постепенно эмансипировались от византийских влияний и обычно выходили на самостоятельный путь развития». Подчеркнув противоречивость этого процесса в разных странах, докладчик справедливо указал, что его изучение возможно лишь на основании анализа конкретно-исторической обстановки в той или иной стране и в тот или иной исторический период.

Проблема местных и национальных школ в докладе В. Н. Лазарева ставится и разрешается на примере искусства Македонии XI—XII вв., представление о котором обогатилось за последние десятилетия замечательными открытиями. На основании всестороннего анализа памятников македонской живописи XI—XII вв. (фрески церкви св. Софии в Охриде, храма св. Пантелеймона в Нерези, вновь открытые росписи в Курбиново, а также фрески и мозаики церквей св. Софии и Панагии в Фессалонике, фрески Кастории и др.) В. Н. Лазарев приходит к выводу, что история живописи в Македонии распадается на два периода. Ее развитие в первый период (до середины XI в.) было связано с подъемом той славянской культуры, центром которой, по мнению докладчика, была Македония. В памятниках этого времени — в фресках св. Софии в Охриде и св. Софии в Фессалонике — явственно чувствуется народная и вместе с тем архаизирующая струя, а артели художников состояли как из местных славянских, так и приплывших византийских мастеров. Один из выдающихся памятников живописи в Македонии — фрески Софии Охридской — В. Н. Лазарев датирует серединой XI в., в отличие от некоторых болгарских ученых, относивших их к правлению царя Симеона, т. е. к концу X — началу XI в.

Докладчик подчеркивает, что после подъема Македонской живописи в середине XI в. в ее развитии наступает перерыв, длившийся около столетия, в течение которого не было создано ничего выдающегося. Второй период в истории живописи Македонии наступает, по мнению В. Н. Лазарева, с середины XII в. В этот период в искусстве, связанном в своем развитии с широкой эллинизацией Македонии византийцами, усилилось влияние константинопольской художественной школы и одновременно ослабели традиции славянской художественной культуры. Среди художников этого времени доминирующее положение уже занимают византийские мастера. Поламинируя с греческим ученым А. Ксингопулосом, полагавшим, что Македония в XI—XII вв. обладала своей собственной школой живописи с центром в Фессалонике, представлявшей одно из направлений чисто византийского искусства, В. Н. Лазарев отрицает существование такой особой школы. По его мнению, для Македонии XI—XII вв. характерно обилие местных центров со своими артелями живописцев. Македонские памятники XI—XII вв. с характерными для них местными оттенками говорят, по мнению докладчика, о распыленности художественной культуры Македонии этого времени, что помешало сложению на ее почве особой художественной школы. Таковой можно, с точки зрения В. Н. Лазарева, считать лишь сербскую школу живописи, возникшую позднее, уже в XIII в.

По докладу В. Н. Лазарева развернулась интересная дискуссия. Профессор О. Демус (Вена) в своем содокладе коснулся прежде всего спорного вопроса о датировке некоторых памятников македонской живописи, указав при этом, что большинство приведенных в докладе В. Н. Лазарева датировок аргументировано достаточно убедительно. В частности, О. Демус в основном согласился с предложенным В. Н. Лазаревым делением этих памятников на две большие группы — первую, датируемую второй четвертью и серединой XI в., и вторую, датируемую серединой XII—XIII в. Что касается дискуссионного вопроса о существовании в Македонии XI—XII вв. собственной школы живописи, то О. Демус полагает, что высказанная В. Н. Лазаревым отрицательная точка зрения является своего рода реакцией на преувеличение А. Ксингопулосом роли Фессалоники и ее художественной школы. Вместе с тем О. Демус высказал свое несогласие с концепцией В. Н. Лазарева, указав, что докладчик недооценивает влияние фессалоникской школы на живопись других областей Македонии. Тезису В. Н. Лазарева, подчеркнул содокладчик, противоречит материал, приведенный в его же докладе, — о тесном родстве между частью фресок Софии Охридской и фигурами святых в нарфике св. Софии в Фессалонике. Кроме того, В. Н. Лазарев не учел некоторых, правда, более поздних, свидетельств сербских историков о приглашении мастеров из Фессалоники. По мнению О. Демуса, В. Н. Лазарев излишне выдвигает на первый план местные мелкие центры в ущерб Константинополю и второму городу империи — Фессалонике. Вместе с тем по столь важному вопросу, как влияние славянской культуры на македонскую живопись, О. Демус в основном поддержал точку зрения В. Н. Лазарева.

С совершенно противоположной концепцией на конгрессе выступил другой содокладчик — С. Пелеканидис (Фессалоника). Он не согласился с основными положениями доклада В. Н. Лазарева. С. Пелеканидис оспаривал тезис В. Н. Лазарева о том, что ранняя группа фресок св. Софии в Охриде связана с традициями славянской

культуры, восходящими еще ко времени Первого Болгарского царства. Называя подобную характеристику «панславистской», С. Пелеканидис прибег для опровержения концепции Лазарева к устаревшим аргументам о якобы низком уровне культуры балканских славян в VII—XI вв. Связывая все стилистические особенности македонской живописи XI в. с влиянием византийского искусства, он стремился доказать, что и архаизирующие, нарядные черты в ранних фресках Софии Охридской восходят к чисто византийским образцам, где также имелись памятники архаизирующего стиля. По его мнению, само константинопольское искусство имело не только аристократические, придворные черты, но в нем прослеживается и народная струя. Архаизирующие стилистические особенности Софии Охридской находят, с точки зрения содокладчика, аналогии еще в доиконоборческом искусстве Фессалоники.

С. Пелеканидис возражал против утверждения В. Н. Лазарева, что родство ранней живописи Охрида и Фессалоники объясняется тем, что славянские элементы в самой Фессалонике были достаточно сильны. Он отрицал какое-либо влияние культуры славян на искусство Фессалоники и, более того, утверждал, что все искусство Балкан прочно входит в круг византийской культуры.

В поддержку доклада В. Н. Лазарева и с резкой критикой концепции С. Пелеканидиса о чисто греческом, византийском характере македонской живописи XI—XII вв. выступил специалист по византийскому и славянскому искусству Святозар Радойич (Белград). Югославский ученый поддержал датировку основных памятников македонской живописи, предложенную В. Н. Лазаревым. Вместе с тем он высказал свои соображения о характере живописи наиболее выдающихся памятников, в первую очередь, Софии Охридской. С. Радойич выдвинул гипотезу о связи ранней живописи Софии Охридской с иконами и миниатюрами, созданными в церковных центрах. Особое внимание содокладчик уделил анализу портретов пап, патриархов и других лиц церковной иерархии, изображенных на фресках Софии Охридской, подчеркнув их архаический и теократический характер. В целом С. Радойич считает, что ранняя живопись Софии Охридской столь своеобразна, что на основании изучения этого памятника нельзя говорить о какой-либо особой художественной школе. Подчеркнув важность проблемы местных и национальных школ, поднятой в докладе В. Н. Лазарева, С. Радойич указал на спорность и неясность некоторых вопросов, связанных с ней, в частности о национальной принадлежности мастеров, создававших памятники живописи в Македонии.

Основные положения доклада В. Н. Лазарева поддержал в своем заключительном слове председательствовавший на этом заседании А. Грабар (Париж); он выразил свое несогласие с излишне «провизантийской» точкой зрения С. Пелеканидиса, неправомерно отрицавшего какие-либо местные влияния на македонскую живопись XI—XII вв.

В тот же день на пленарном заседании конгресса состоялся коллективный доклад югославских ученых — известного историка искусства профессора Джурдже Бошковица и его учеников И. Николаевич-Стойкович и Дж. Стрижевича (Белград) на тему «Архитектура поздней античности и раннего средневековья на Балканах». В докладе была поставлена чрезвычайно сложная проблема преемственности между культурой поздней античности (включая и ранневизантийский период до VI в.) и раннего средневековья. Докладчики отстаивали тезис о существовании так называемого континуитета в градостроительстве и архитектуре Балкан этого времени.

Дж. Бошковиц выдвигает в докладе гипотезу о сохранении на Балканах в период раннего средневековья в довольно значительных масштабах позднеантичных и ранневизантийских городов. По его мнению, такие города, как Белград, Ниш, София, Охрид, Шкодер, Пловдив и другие, были лишь частично разрушены в период варварских вторжений. Впрочем, пример Царицына Града показывает, что иногда полуразрушенные античные города заселялись славянами, влияние культуры которых на архитектуру и градостроительство Балкан VI—VII вв. не отрицается докладчиком. Вместе с тем он полагает, что в VII—X вв., особенно в восточной части Болгарского царства, строительная деятельность славян и протоболгаров была незначительной; вследствие этого руины близ Абоба рассматриваются Дж. Бошковицем как развалины ранневизантийского города, а не как вновь построенная протоболгарами в VII—XI вв. столица Первого Болгарского царства — Плиска. Докладчик подчеркивает сходство сооружений светского характера Плиски и Преславы с аналогичными постройками позднеантичных и ранневизантийских городов — Стоби, Царицына Града и т. п.

Ученики Дж. Бошковица — И. Николаевич-Стойкович и Дж. Стрижевич (первая — на основании изучения лишь архитектурного декора, второй — на основании более широкого материала) — стремятся доказать, что ряд архитектурных памятников Плиски и Преславы следует отнести к ранневизантийскому времени. Так, знаменитую Круглую церковь в Преславе, так называемую Преславскую Ротонду, они рассматривают как памятник не периода Первого Болгарского царства, созданный протоболгарами, а как произведение архитекторов ранневизантийского периода, что, на наш взгляд, является спорным (см. ниже, стр. 336). Кроме того, в своем разделе доклада Дж. Стрижевич пытается выяснить причины возрождения базиликального

типа культовых зданий на Балканах в IX—XI вв. Отрицая какое-либо влияние архитектурных традиций Ближнего Востока, докладчик объясняет возрождение базиликального типа в IX—XI вв. преобразованием позднеантичных и ранневизантийских архитектурных форм, осуществлявшимся местными мастерами, которые сознательно возвращались в своем творчестве к образцам ранней архитектуры VI в.

Коллективный доклад югославских ученых вызвал серьезные возражения со стороны болгарских искусствоведов и археологов. Содокладчик профессор К. Миятев (София) доложил конгрессу итоги своих многолетних археологических разысканий в Плиске и Преславе и на основании детального обследования важнейших памятников показал правильность датировки большинства из них IX—X вв., т. е. временем Первого Болгарского царства.

В оживленной дискуссии, развернувшейся по докладу, центральным вопросом был вопрос о наличии или отсутствии континуитета в архитектуре Балкан позднеантичного и раннесредневекового времени, причем специалисты, в частности председательствовавшая на заседании С. дер Нерсесян (США), подчеркивали необходимость изучения как следов сохранения позднеантичных и ранневизантийских традиций, так и материалов, свидетельствующих о влиянии славян и протоболгар на архитектуру Балкан в раннее средневековье.

15 сентября на пленарном заседании конгресса был обсужден доклад профессора Романа Якобсона (США) «Славянский отклик на византийскую поэзию». Докладчик, исследуя славянские церковные гимны, сравнивал их с греческими (византийскими). Он устанавливает различие между ними — в числе слогов в строке, числе ударений и т. д., прослеживает развитие церковных гимнов в различных славянских странах (Болгарии, Польше, России и др.) начиная от первых произведений этого рода, написанных Константином и Мефодием. Главный вывод Р. Якобсона состоит в том, что славянское церковное искусство, в том числе церковная поэзия, в основном следовало византийским образцам; однако создатели церковной поэзии существенно преобразовывали эти греческие образцы. В дальнейшем, под влиянием отличного от греческого словарного материала происходила последовательная модификация славянской церковной поэзии. Таким образом, приверженность византийским образцам отнюдь не препятствовала оригинальности, самобытности славянской церковной поэзии.

По докладу развернулась интересная дискуссия, в которой участвовали Дж. Радойчич, В. Мошин, Д. Оболенский, И. Шевченко и другие ученые. К сожалению, на конгрессе не присутствовал основной оппонент профессора Р. Якобсона — Иван Дуйчев (София), и его интересный содоклад не был прочитан.

В тот же день состоялся доклад Г. Шмидта (Вена) о связях византийского, балканского и славянского права. Докладчик отстаивал устаревший и весьма сомнительный тезис о полной зависимости славянского права от византийского.

На последнем пленарном заседании конгресса был заслушан доклад английского ученого Е. Веллеса (Оксфорд) на тему о принципах композиции в византийской музыке.

## II. РАБОТА СЕКЦИЙ

На секционных заседаниях конгресса обсуждалось значительное число докладов на специальные темы. Тематика докладов секции истории отличалась большим разнообразием, касаясь многих аспектов византийской истории. Надо отметить, что организаторы конгресса тщательно продумали порядок заседаний и умело сгруппировали доклады, близкие по своей проблематике или сходные по своему характеру. Значительное место в работе этой секции было отведено обсуждению вопросов социально-экономической истории Византии. Так, на заседании, прошедшем под председательством П. Хараниса, состоялся доклад Г. Эверт-Капцесовой (Лодзь) «Проблема рабства в Византии в VII—XII вв.», подводящий итог многолетним исследованиям докладчицы. На этом же заседании Н. Зворонос (Париж) высказал свои соображения относительно сохранения традиций новелл императоров Македонской династии в «*Synopsis Basilicorum*». Оживленное обсуждение вызвали прочитанные на заседании доклады советских ученых: К. А. Осиповой — «Система класм в Византии в X в.» и Г. Г. Литаврина — «Были ли Кекавмен, автор „Стратегикона“, феодалом?». Выступавшие по этим докладам П. Лемерль, Н. Зворонос, Д. Ангелов, В. Мошин, З. В. Удальцова и другие горячо обсуждали вопрос о наличии феодальных отношений в Византии по данным таких памятников, как «Фиванский кадастр» и «Стратегикон» Кекамена; тем самым фактически еще раз была продолжена дискуссия о феодализме в Византии, развернувшаяся на пленарном заседании конгресса по коллективному докладу советских византистов.

С интересным докладом о налоговом обложении при Комнинах и Палеологах выступила Э. Гликаци-Арвейя (Париж). Несколько докладов было посвящено социально-экономической истории сопредельных с Византией стран.



Особый интерес собравшихся византинистов и славистов вызвали доклады, касающиеся проблемы феодализма в южнославянских странах. Болгарские ученые осветили эту проблему на материале истории своей страны. Г. Цанкова-Петкова рассмотрела положение крестьян в Болгарии в период византийского владычества, а Ст. Лишев остановился на особенностях развития феодализма в Болгарии в XIV в. Оживленный обмен мнениями вызвал доклад советской исследовательницы К. В. Хвостовой «К вопросу о феодальной ренте южномакедонских монастырей XIV в.». Выступивший по этому докладу профессор В. Мошин подчеркнул большое научное значение такого ценного источника, как Ивирские практика, широко использованного докладчицей, и дал весьма положительную оценку докладу.

Некоторые доклады, заслушанные на заседаниях секции «Истории», были посвящены социально-экономическим отношениям в Италии в раннее средневековье.

С докладом об агрикультуре Италии в период остготского владычества выступил К. Ханнестад (Дания), а З. В. Удальцова прочитала доклад «Рабство и колонат в Византийской Италии во второй половине VI—VII в.».

Значительный научный интерес представляла целая серия докладов, охватывающих широкий круг проблем этногенеза, в частности этногенеза славян и их общественного строя, а также славянской колонизации Византии.

Профессор А. Бурмов (София) посвятил свой доклад проблеме эволюции социально-экономического строя южных славян в VI—VII вв. по данным византийских хроник. Б. Графенауэр (Люблина) выступил с интересным докладом о расселении славян на Балканском полуострове, Б. Застерова (Прага) остановилась на спорных вопросах истории аваро-славянских отношений.

Югославский ученый С. Антоляк (Скопье) доложил специалистам результаты своих исследований относительно «Склавинии» на территории Югославии. В. Тышкова-Займова (София) посвятила свой реферат взаимоотношениям варваров с местным населением Балканских областей в VI—VII вв. П. Губер (Париж) рассмотрел данные Менаандра Протектора и Феофилакта Симокатты о Дунайских войнах конца VI в. В. Велков (София) рассказал о результатах своих исследований этнических изменений населения городов Фракии в IV—VI вв. Демографической проблеме в VI—VII вв. в широком ее понимании был посвящен доклад Й. Л. Тилля (США). Е. Демужо (Монпелье) рассмотрела вопрос о влиянии варварских вторжений на торговый обмен в Придунайских провинциях в IV в.

Все сказанное свидетельствует о значительном интересе исследователей разных стран к проблеме взаимоотношений Византии и варварского мира, в особенности к проблеме заселения Балканского полуострова славянами.

Видное место в выступлениях историков-византинистов заняли проблемы международных отношений, в частности дипломатии Византии. Были сделаны доклады: о взаимоотношениях Византии с Италией в разные исторические периоды (Л. Лафранчи — Венеция), о взаимоотношениях Венеции и Византийской империи при императоре Мануиле Комнине, о посольстве Лиутпранда (В. Онзорге — Ганновер) и др. Большая группа докладов касалась взаимоотношений Византии и стран Востока, особенно византино-турецких связей.

Большую научную ценность представляли сообщения о вновь открытых, доселе неизвестных или о еще неизданных источниках. Так, всеобщий интерес вызвало сообщение Н. Экономидиса (Афины) о найденном им неизвестном византийском «Тактиконе» X в. Было решено назвать этот источник «Тактикон Н. Экономидиса» — по примеру «Тактикона Ф. И. Успенского».

С большим успехом прошел доклад директора Греческого института в Венеции, крупного знатока греческих рукописей С. Антониадис (Венеция) об открытой ею рукописи венецианского хрониста Джанкаруоло, содержащей ценные данные о взаимоотношениях Венеции, Крита и Византии в XIV в. К сожалению, в данной статье мы не можем хотя бы даже перечислить все доклады, прочитанные как на исторической секции, так и на заседаниях других секций. Отметим только, что на секции искусства и археологии был прочитан и обсужден доклад А. В. Банк (Ленинград) «Некоторые памятники византийского прикладного искусства (IV—XII вв.) из раскопок последних десятилетий на территории СССР, а на секции права и вспомогательных дисциплин был оглашен доклад Е. Э. Гранстрем (Ленинград) «Неопубликованные и неисследованные тексты греческих палимпсестов». Доклады советских ученых были прослушаны с большим интересом и получили высокую оценку специалистов.

### III. РАБОТА МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ ВИЗАНТИНИСТОВ ВО ВРЕМЯ КОНГРЕССА

Во время конгресса состоялись заседания Международной ассоциации византинистов, на которых обсуждались важные организационные вопросы.

1. О принятии ряда стран в Международную ассоциацию византинистов. Единогласно были приняты Румыния, Польша, Кипр. После дискуссии, связанной с прие-

мом в ассоциацию ГДР, было решено, что ФРГ и ГДР представляют в ассоциации одну страну — Германию, но как ФРГ, так и ГДР имеют в ассоциации отдельно по два представителя с правом решающего голоса.

2. Об уплате членских взносов странами-участниками Ассоциации.

3. По настоянию ряда стран (СССР, Чехословакия, Румыния, Югославия, Греция, Италия) была проведена реорганизация структуры Международной ассоциации византистов. Совместные предложения по реорганизации были внесены делегатом Чехословакии А. Досталем и делегатом Италии Б. Лаваньини. Реорганизация предусматривала: 1) изменение устава ассоциации в сторону демократизации и расширения прав участниц ассоциации (новый устав был принят единогласно); 2) изменения в структуре руководящих органов ассоциации. После подробного обсуждения указанных предложений была принята новая структура ассоциации и избрано новое руководство. Изменения структуры сводились к тому, что наряду с почетными президентами и вице-президентами ассоциации, было учреждено Исполнительное бюро, которое должно осуществлять всю постоянную организационную работу в перерывах между конгрессами.

Персонально в руководящие органы Международной ассоциации византистов были избраны следующие представители различных стран:

1. Почетные президенты ассоциации: А. Грегуар (Бельгия), Ф. Дэльгер (ФРГ), Г. Острогорский (Югославия).

2. Почетные вице-президенты: С. Г. Меркати (Италия), А. Орландос (Греция), А. М. Мансель (Турция), Д. Моравчик (Венгрия), М. Паулова (Чехословакия), Н. Банеску (Румыния), А. Дэн (Франция).

3. Бюро ассоциации:

Председатель — П. Лемерль (Франция);

Генеральный секретарь — Д. А. Закифинос (Греция);

Казначей — Ф. Баришич (Югославия), его помощник — Я. Ферлуга (Югославия).

Вице-президенты — Д. Ангелов (Болгария), Г. Г. Бекк (ФРГ), А. Достал (Чехословакия), Дж. М. Хассей (Англия), Б. Лаваньини (Италия), В. Лазарев (СССР), К. Вейцман (США).

В целом конгресс в Охриде является ярким свидетельством значительного подъема византиноведческих исследований во многих странах и дальнейшего развития научных связей ученых-византистов всего мира.

*З. В. Удальцова*